

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ АЛТАЙСКИХ «КАМЕНЩИКОВ» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Матыцин К.С., Шершнева Е.А., Барнаул (Россия)

Аннотация: В статье на основе анализа исторических и этнографических источников рассматриваются исторические условия и специфика изучения этнографической группы алтайских «каменщиков» в Российской империи во второй половине XVIII – начале XX вв. Исследователями указанного периода были сделаны ряд предположений о формировании и расселении алтайских «каменщиков» на территории Алтая. Затронутые ими вопросы остаются актуальными и в настоящее время при изучении этнографической группы.

Ключевые слова: алтайские «каменщики», этнографическая группа, старообрядчество, Российская империя, Бухтарма, Уймон, Беловодье.

HISTORICAL CONDITIONS AND SPECIFICITY OF THE RESEARCH OF ALTAI «KAMENSCHIKS» IN THE RUSSIAN EMPIRE

Matytsin K.S., Shershneva E.A., Barnaul (Russia)

Abstract: Based on the analysis of historical and ethnographic sources, the article considers the historical conditions and specificity of studying the ethnographic group of the Altai «kamenschiks» in the Russian Empire in the second half of the XVIII – beginning of the XX centuries. The researchers of this period made several assumptions about the formation and settlement of the Altai «kamenschiks» in the Altai territory. The issues raised by them remain relevant even now in the study of the ethnographic group.

Keywords: Altai «kamenschiks», ethnographic group, the Old Believers, the Russian Empire, the Bukhtarma, the Uimon, the Belovodye.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-59-44002 «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность».

Исследования старообрядческих поселений, находящихся в предгорьях Алтая, начались в дореволюционный период. Внимание у путешественников, этнографов и историков в основном было сосредоточено вокруг этнографических групп, одной из которых являлись алтайские «каменщики».

Первыми исследователями старообрядчества Алтая были немецкие путешественники П.С. Паллас, К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер. Петербургская академия наук 22 декабря 1766 года утвердила П.С. Палласа на пост профессора натуральной истории. В результате его избрание послужило экспедициям на территории Российской империи, проходившим с 1768 по 1774 год. Основными целями экспедиций служили сбор информации о флоре, фауне, геологических, минералогических ресурсах и описание исторических, социально-политических, этнографических особенностей в азиатской части Российской империи. Экспедиции были инициированы не только Петербургской академией наук, но и императорским двором. В частности, Екатерина II активно проявляла интерес в комплексном исследовании империи [7]. Таким образом, П.С. Паллас первый из исследователей отметил присутствие старообрядцев на Алтае [11, с. 211–218]. В начале XIX в. в рамках экспедиции Дерптского университета на Алтае и в Восточном Казахстане (целью которой являлось изучение местной флоры), возглавляемой К.Ф. Ледебуром и двумя его учениками – А.А. Бунге, К.А. Мейером, также были зафиксированы сведения о старообрядцах [8, с. 389–392]. Экспедиция К.Ф. Ледебура получилась плодотворной благодаря содействию в ней начальника и организатора горнозаводского производства на Алтае П.К. Фролова [4].

В 1845 г. утверждается РГО [3, с. 5]. Благодаря возникновению «периферийных» отделов РГО – ИРГО (дата учреждения 1851 г.), а затем и ЗСОИРГО (дата учреждения 1877 г.), интерес исследователей к изучению этнографической группы алтайских «каменщиков» возрастает. В результате проведенных экспедиций, возглавляемых отделами РГО, появляются труды таких исследователей как А.А. Принтц, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Е.Ф. Шмурло, М.В. Швецова, В.И. Верещагин, Б.Г. Герасимов, Г.Д. Гребенщиков, А.Н. Белослюдов, А.Н. Новоселов.

Стоит отметить, что некоторые исследователи являлись представителями народничества. Отвергая приоритет и требования монархической власти, народники утверждали, что взаимодействие крестьянства и власти должно располагаться в свободном экономическом поле без существовавших в Российской импе-

рии форм эксплуатации и отчуждения. Поэтому исследователи-народники из РГО обращали в первую очередь внимание на крестьянскую среду. Таким образом народники популяризовали теорию, которую цельно сформировал А.П. Шапов, о том, что старообрядчество в своей сути имеет политический характер [15]. Изучая этнографическую группу алтайских «каменщиков», они прежде всего подчеркивали стремление «каменщиков» к независимости, которая, по мнению исследователей способствовала колонизационному процессу, экономическому развитию (мараловодство, пчеловодство, зверопромысел) и межнациональным отношениям (торговля с Китаем) [16].

Помимо этнографических экспедиций, большой вклад в исследование алтайских «каменщиков» внесла деятельность Томской епархии и противораскольнического Братства святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, благодаря которой сведения о старообрядцах появились на страницах «Томских епархиальных ведомостей» и в трудах Д.Н. Беликова [1; 2]. В отличие от этнографов-народников церковные деятели находились в поле антистарообрядческого законодательства, осуществлявшегося в Российской империи с 1832 по 1905 гг. В этот период, несмотря на проповедовавшийся государством принцип веротерпимости, старообрядцам «запрещалось совращать и склонять в раскол» – те действия, которые неоднократно предпринимали алтайские «каменщики». Поэтому в церковной литературе этого периода данное народное движение рассматривалось раскольническим или сектантским.

Благодаря пристальному вниманию на алтайских «каменщиков» со стороны обеих противоборствующих политических сторон, существовали два взгляда на образование этнографической группы алтайских «каменщиков». Меньшая часть исследователей придерживалась мнения, что алтайские «каменщики» произошли под влиянием другой этнорелигиозной группы – «поляков» [8; 11; 13]. Данная позиция в следующих периодах (советский и российский) не прослеживается. Определено, что она не является состоятельной, так как придерживающиеся ее этнографы имперского периода не соприкасались с алтайскими «каменщиками». Поле изучения ограничивалось старообрядцами «поляками».

Другая, большая, часть исследователей пришла к выводу о формировании алтайских «каменщиков» из мастеровых, солдат и крестьян, приписанных к Колывано-Воскресенским заводам. Они также выделили два периода в истории алтайских «каменщиков».

Первый период обозначен бегством и формированием этнографической группы. Второй – легализация состояния алтайских «каменщиков» и переход их в «ясачное» положение. Если легализация была обозначена рескриптом Екатерины II о принятии алтайских «каменщиков» в состав России как инородцев, то установление датировки побегов не было определено. Поэтому появилось два предположения: формирование «каменщиков» в 20-х годах XVIII века, благодаря установлению двойного оклада со староверов, и в 40-х годах в связи с переходом демидовских заводов в управление Кабинета [6; 12; 14; 16, с. 35-47; 17, с. 193–194].

Анализируя работы исследователей имперского периода, был определен конфессиональный состав алтайских «каменщиков». Преимущественно он состоял из представителей различных согласий беспоповского течения в старообрядчестве [5, с. 10]. Часть алтайских «каменщиков» придерживалась официального православия, но со временем перешла в старообрядчество. В основе идеологии алтайских «каменщиков» лежало представление о существовании свободной от государственных податей и надзора земли, которую они именовали Беловодье. Нами было выделено четыре этапа существования данного представления. В связи с этим установлено, что исследователями имперского периода в большей степени были изучены второй и третий этапы [9]. Поиск Беловодья приводил к колонизации и заселению «каменщиками» новых территорий. Так, в историографии имперского периода появляются сообщения о заселении «каменщиками» Уймонской долины [10]. При вопросе о заселении, как было выяснено, исследователи также не имели общей точки зрения. Согласно основной, Уймонская долина заселялась «каменщиками» пришедшими с территории Бухтармы [14, с. 558]. Иная позиция была обозначена Н.М. Ядринцевым, он утверждал, что заселение Уймона совершалось старообрядцами с Аргута [17, с. 45].

Литература

1. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898. 138 с.
2. Беликов Д.Н. Томский раскол. (Исторический очерк от 1834 по 1880 годы) // Известия Императорского Томского ун-та. Томск, 1900. Вып. 16. С. 1–247.
3. Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет, 1845–1945. М., 1946.

4. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 367.
5. Герасимов Б.Г. В долине Бухтармы (Краткий историческо-географический очерк с 3 таблицами цифр) // Записки Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО. 1911. Вып. V. С. 1–125.
6. Гуляев С.И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление. 1845. – № 20. – С. 85–86; № 21. – С. 89–90; № 22. – С. 94–96; № 27. – С. 117–118; № 28. – С. 120–122; № 29. – С. 125–126; № 30. – С. 129–130.
7. Кеппен Ф.П. Паллас, Петр Симон // Русский биографический словарь. СПб., Т. 13. С. 153–162.
8. Ледебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. 415 с.
9. Матыцин К.С. Исторические этапы легенды о Беловодье // Утопические проекты в истории культуры: материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ростов-на-Дону, 2019. С. 210–212.
10. Матыцин К.С. Легенда о Беловодье как фактор миграции старообрядцев в отечественной историографии // Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сборник докладов. Благовещенск, 2018. С. 389–395.
11. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. 1770 год. СПб, 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2.
12. Принтц А.А. Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминский волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки ИРГО по общей географии. 1867. Т. 1. С. 543–582.
13. Швецова М.В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСО ИРГО. 1898. Кн. XXVI. С. 1–77.
14. Шмурло Е.Ф. Русские поселения за южным Алтайским хребтом // Записки ЗСО ИРГО. 1898. Кн. XXV. С. 1–64.
15. Шапов А.П. Земство и раскол // Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 476–495.
16. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец – дипломат и воин // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному Обозрению». Научно-литературное издание / под ред. Н.М. Ядринцева. СПб., 1886. Кн. 1. С. 21–47.
17. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб, 1892. 720 с.